

⁵¹ Паниш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) // Сов. этнография. 1990. № 1. С. 18.

⁵² Об истории месхетинского движения после 1989 г. и современных проблемах месхетинцев см.: Брусина О.И., Осипов А.Г. Об изучении межнациональных отношений. Взгляд на проблемы Узбекистана // ЭО. № 3. 1993. С. 15–27; Осипов А.Г. Влияние государственной идеологии на самосознание...; Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М., 1996.

A.G. O s i p o v. The Movement of Meskhetians for Repatriation (1956–1988)

In 1944 Meskhetians (Meskhetian Turks and Meskhes) were deported forcibly from South Georgia to Central Asia and Kazakhstan and since that time they haven't got an opportunity to come back to their native places. In connection with it the movement for repatriation appeared among Meskhetians.

In 1995–1996 the author looked for and researched the private collections of documents which are at former and present Meskhetian movement leaders disposal. The author retraces the history of Meskhetian movement and analyses its aims.

© 1998 г., ЭО, № 5

А.А. И с т о м и н

НАЧАЛО СОЗДАНИЯ «ОБЩИХ СЕЛЕНИЙ» НА ОСТРОВЕ КАДЬЯК В РУССКОЙ АМЕРИКЕ (1839–1842 гг.)

Параллели и аналогии между колониальными системами Русской и Испанской Америк продолжают привлекать внимание исследователей, о чем свидетельствует недавняя публикация А.В. Гринева¹. Критический анализ ее выводов – тема отдельной статьи. Здесь же мы обратимся к конкретному историческому анализу возникновения одного из явлений, которое в Русской Америке выступало аналогом испаноамериканской системы редуций (специально организованных поселений, в которых в целях административного контроля и аккультурации концентрировались коренные жители). Речь идет о так называемых «общих селениях».

Первоочередное внимание к «общим селениям» определяется давним интересом автора к этой теме. В выступлении на заседании круглого стола, организованном журналом «Латинская Америка» в январе 1986 г. (опубликовано год спустя), мною впервые был поставлен вопрос о сущностном сходстве русской и испанской колонизаций Америки, очерчен круг аналогий, и среди них, в частности, также впервые была выделена «политика концентрации коренных жителей в специальных поселениях с целью усиления административного и религиозного контроля» – политика, которая рассматривалась как феномен, обусловленный определенным принципиальным сходством общественного строя Испанской и Русской Америк. Были названы и аналогичные проявления этой политики в обоих случаях: редуции в Испанской Америке и «общие селения» на о-ве Кадьяке². Пишу об этом столь подробно только потому, что статья А.В. Гринева, в которой о предшествующих работах сообщается весьма лаконично, может создать у читателя-неспециалиста не вполне точное представление об истории вопроса.

Возникновению «общих селений» на Кадьяке посвящен мой доклад (на испанском языке) на 48-м Международном конгрессе американистов в Стокгольме (июль 1994 г.)³. В переработанном и существенно дополненном виде этот доклад лег в основу данной статьи.

Что касается А.В. Гринева, то, обратившись в своей статье (1996 г.) к данному

предмету, он прежде всего указывает на «насильственные переселения больших групп туземцев по аналогии с испанской системой редукий» – формирование промысловых артелей, «которые расселялись по различным островам для более успешного ведения промыслов», отводя в своих рассуждениях феномену «общих селений» лишь некое дополнительное значение. «Кроме того, депопуляция эксимосов острова Кадьяк (в результате сверхэксплуатации и эпидемий) и стремление колониальных властей усилить свой контроль над аборигенами, – пишет он, – привели к практике создания в 1840–1842 гг. "общих селений" (искусственно созданных общин), где концентрировались местные жители, до того расселенные дисперсно»⁴.

Такое расширенное толкование русско-испанских аналогий основано на допущенной А.В. Гриневым элементарной ошибке, так как редукия – это не просто переселение групп туземцев, а создание специальных постоянных селений с определенными, прежде всего политическими и культурно-религиозными целями, перемещение же аляскинских туземцев в составе артелей или партий носило временный характер и преследовало лишь конъюнктурные хозяйственные задачи. Из приведенных А.В. Гриневым примеров только «общие селения» на Кадьяке действительно являются аналогом испано-американских редукий. Эта ошибка представляется странной, так как в книге «Три века колониальной Америки», которая стала для А.В. Гринева отправным пунктом при изложении его концепции и основным источником испаноамериканского материала, определение редукий дано несколько раз⁵.

Нельзя признать стилистически удачной и концовку процитированной фразы, где упоминается былая дисперсность расселения аборигенов Кадьяка. Дисперсность выступает здесь некоей абсолютной характеристикой, противопоставляемой сменившему ее концентрированному расселению. На самом же деле речь может идти только о возрастании степени концентрации населения Кадьяка, которое и до 1840 г. было сосредоточено в определенных (но меньших по размерам и более многочисленных) поселениях-жилах на своей компактной (островной) этнической территории.

Процитированная формулировка, как мы увидим ниже, перекликается с характерными для источников ссылками на предшествовавшие новому состоянию алеутов их рассянность и даже кочевание, упоминание о которых носило в немалой степени пропагандистское значение и подчеркивало пользу нововведений. Демагогически-пропагандистское содержание такого противопоставления особенно заметно в рассматриваемых ниже «Правилах для тоёнов» 1841 г.: «Чтобы таковую постоянно-оседлаю жизнь навсегда положить конец тому несчастному состоянию, в коем, невзирая на все старания начальства, находились доньне кадьякские алеуты в сравнении с алеутами прочих отделов колоний, – и безпрестанно претерпеваемым ими бедствиям от рассянной, безпорядочной во многих отношениях жизни...»⁶.

Этой же тенденции следовал в прошлом веке и П.А. Тихменев, первым из историков обратившийся к теме «общих селений». Он упоминает «65 мест, в которых жили до того алеуты, или лучше сказать вели кочующую жизнь по всему Кадьяку»⁷.

По данным археологии (материалы раскопок в районе залива Уяк на западе острова), традиционная система расселения кадьякских эксимосов, как и многих народов Северо-Западного побережья, характеризовалась полуоседлым обитанием в относительно больших постоянных зимних поселениях, насчитывавших до 20 домов (на археологической карте только одного залива Уяк отмечено 6 таких деревень), перемежавшихся с меньшими по размеру селениями, а также сезонными (с весны по осень) охотничьими и рыболовецкими лагерями. В раннеконтактный период один дом населяло 18–20 чел.⁸ Таким образом, число обитателей одного зимнего селения могло достигать до 400 чел., что превосходило численность жителей созданных позднее «общих селений». Впрочем, к 1840 г. в силу отмеченной многими исследователями депопуляции численность «жил» была, по-видимому, значительно ниже. Это пояснение необходимо для критической оценки образа-версии «рассянной» и «кочующей жизни».

В своем двухтомном апологетическом труде, посвященном Российско-Американской компании (РАК), П.А. Тихменев уделяет немало внимания «общим селениям», объяс-

няя необходимость их создания эпидемией оспы на Аляске в 1836–1839 гг., от которой особенно пострадал Кадык (умерло 736 чел. – цифра для колоний весьма значительная), и подчеркивая позитивное значение этого нововведения⁹.

Упоминание об «общих селениях» содержится и в материалах «Комитета об устройстве русских американских колоний», опубликованных, как и двухтомный труд П.А. Тихменева, за несколько лет до продажи Аляски¹⁰. В приложениях к тому и другому изданию были опубликованы «Правила для тоенов».

Исследование архивных документов, прежде всего колониальной переписки из так называемого «ситкинского архива», дает представление о том, как начиналось создание «общих поселений», о начальных действиях и мотивах администрации РАК.

В связи с терминами, наиболее широко используемыми в источниках, необходимо пояснить, что все островное коренное население, подчиненное РАК, именовалось в документах «алеутами», хотя на Кадыке жили не алеуты, а тихоокеанские эскимосы *кониаг*, известные в колониях также как «кадыкцы». (Алеуты вместе с кадыкскими эскимосами составляли в Русской Америке особое сословие «островитян».) Другое распространенное слово – *тоён* (*тоен*, *таён*, *тойон* – от якутск. *тойон*) обозначало в Русской Америке традиционных вождей, старейшин и назначенных русскими старшин из туземцев, которые непосредственно осуществляли властные функции среди аборигенного населения. *Кажим* и *барбора* (слова, имеющие, по некоторым предположениям, камчатское происхождение) – обычное в колониях наименование туземных жилищ, от землянок и полуземлянок до бревенчатых и дощатых строений.

Непосредственным первоначальным толчком к созданию «общих селений» на Кадыке была упоминавшаяся эпидемия оспы, особенно свирепствовавшая в 1837 г. Значительное сокращение в результате эпидемии коренного населения острова и, как следствие, сокращение рабочей силы РАК стало основным экономическим мотивом для реформ на Кадыке.

Информацию об эпидемии и причинах «необыкновенной смертности» во время нее Главное правление РАК в Петербурге (далее – ГП РАК) нашло в отчете лекаря Вольнского, а также в донесениях врача Бляшке и Главного правителя Купреянова. Из этих документов ГП РАК поняло, что «ужасное опустошение, нанесенное народонаселению кадыкских алеут от свирепствовавшей оспенной эпидемии»¹¹, несмотря на делавшиеся неоднократно прививки, было связано с нищетой и антисанитарными бытовыми условиями, в которых жили коренные кадыкцы. В отношении ГП РАК Главному правителю Российских колоний в Америке И.А. Купреянову (март 1839 г.) отмечены «народная нищета», холодные жилища-барборы, плохой быт, отсутствие санитарных знаний. Исходя из этого, ГП РАК поставило вопрос об улучшении жизненных условий аборигенов Кадыка, чтобы избежать высокой смертности туземцев¹².

В другом послании (август 1839 г.), адресованном уже новому Главному правителю А.К. Этолину, сменявшему Купреянова в следующем году, ГП РАК настаивало на «должном» внимании к положению туземцев и предложило сбалансировать цены на товары, поставляемые кадыкцам в счет платы за добытые меха, с размерами этой платы, чтобы алеуты могли себя «содержать». По сути речь шла о необходимом балансе между витальными потребностями аборигенов и интересами РАК: Главное правление хотело избежать сверхэксплуатации, которая могла подорвать демографическую основу колониальной экономической структуры. Поиск средств, необходимых для достижения этого баланса, был задачей А.К. Этолина. Ему предлагалось представить соображения «для улучшения состояния алеут, имея в виду, чтобы по возможности согласить пользы Компании с предлагаемою целью»¹³.

Однако наиболее значительное и эффективное средство, позволяющее выправить ситуацию на Кадыке, руководство РАК увидело в создании «общих селений».

Первые «общие селения» (редукции) в Русской Америке были созданы не на Кадыке, а на Алеутских о-вах, в Уналашкинском и Атхинском отделах, послужив примером для аналогичного кадыкского эксперимента. Как сообщает П.А. Тихменев,

«соединение уналашкинских и атхинских алеутов в общие селения и назначение над ними тоёнов состоялось окончательно в начале тридцатых годов»¹⁴.

Главный правитель русских колоний в Америке капитан I ранга И.А. Купреянов, посетив в 1838 г. о-ва Атха и Амля (Атхинский отдел), с похвалою отзывался о быте алеутов на Амле, где он подробно осмотрел жилища и другие строения, включая церковь, построенную на средства туземцев. Купреянов в цитируемом П.А. Тихменевым донесении выражал «крайнее удовольствие» состоянием тамошних алеутов, скромно относя его на счет своих предшественников и местного начальства и особо отмечая заслуги «умного атхинского тоёна» Дедюхина и местного священника Иакова (Якова) Нецветова. Для Купреянова был неожиданным разительный контраст между алеутскими кажими в Новоархангельске и жилищами на Амле, входя в которые, он «чрезвычайно был удивлен, во-первых, чистым воздухом, бывшим против обыкновения в этих жилищах, во-вторых, необыкновенным порядком, вошедшим, по-видимому, в обыкновение...». Приятно удивили его и перемены в хозяйстве. «Кормовая барабора полна запасами и во всем заметно довольство. Запасы составляют сообща, по распоряжению тоёна. Таким образом продовольствие здесь не подвергается случайностям...». Из замечаний Купреянова понятно, что перед нами – община, использующая как коллективные, так и индивидуальные формы хозяйствования. Так, из присланного от РАК при соединении в «общие селения» некоторого количества скота, давшего хороший приплод, «несколько коров предоставлено тоеном в собственность алеутов, замеченных более сведущими и заботливыми...»¹⁵. (Рамки статьи не позволяют остановиться на соотношении этой и традиционной форм социального строя алеутов).

У уналашкинских алеутов доктором Бляшке, чью записку Купреянов прилагал к своему донесению, были отмечены относительно удовлетворительное санитарное состояние жилищ и достаток в продовольствии. Для предотвращения случившихся прежде почти каждую весну голодовок (истощение зимних запасов юколы и жира Бляшке объясняет «нерасчетливостью» алеутов и чрезмерным потреблением, особенно на праздниках-«игрушках») «...устроена в каждом селении особая, так называемая компанейская барабора. В эту барабору поступает в ведение байдарщика половина всего запаса юколы, а при начинающихся недостатках она выдается неумущим, равно как и уделяется также в селения, где заготовление было неудачно»¹⁶.

По-видимому, именно это донесение Купреянова внушило ГП РАК идею «общих селений» как одного из главных инструментов колониальной политики на Кадьяке. Однако соответствующий документ, адресованный Купреянову, нами не обнаружен. Купреянов обращается к опыту Амли в донесении от 2 мая 1840 г., перед своим отъездом, однако в послании ГП РАК, на которое он формально отвечает (уже приво-дившийся выше документ № 97 от 31 марта 1839 г.), не удается найти ни одного упоминания об этом. Складывается впечатление, что Купреянов здесь отвечает и на какое-то другое послание, может быть неформальное.

В донесении Купреянов поставил под сомнение возможность повторить на Кадьяке эксперимент, сделанный на Амле, и предложил более ограниченные меры, отмечая различия между жителями этих двух островов и отрицая универсальность такого средства, как «общие селения». По его словам, средства для «улучшения быта алеут» «не могут быть одинаковы повсеместно в колониях, как и самый быт их много различен между собою», в чем убеждают алеуты Амли и Кадьяка. «И потребное для кадьякцев совсем другое, конечно с большими затруднениями..., на первой – постоянным руководством, ближайшим надзором и необходимым вразумлением их, чем достигли атхинские алеуты ныне многого и чего кадьякцы еще не имеют». Можно понять, что Купреянов озабочен недостаточными возможностями колониальной администрации для повседневного влияния на кадьякцев, что связано прежде всего с отсутствием на Кадьяке кадров, способных стать проводниками такого влияния и контроля. Купреянов полагал, что преобразование может пройти успешно лишь под влиянием таких тоёна и священника, какие есть на Амле, в то время как кадьякским

священником Соколовым он был крайне недоволен. Кроме того, кадыякцы, по мнению Купреянова, «способностию уступают несколько атхинским алеутам». Соединить же «всюду в одно место для множества кадыякских алеут в таком большом числе как на острове Амле, этого сделать в Кадыяке явно *невозможно* [курсивом выделено подчеркнутое в документе. – А.И.] по многим причинам и главное – не повредя пользе клепешного и стрелебного промысла»¹⁷. (Клепешный промысел – промысел пушного зверя с помощью ловушек-клепцов, стрелебный – с огнестрельным оружием).

Отрицая необходимость перемен, он ссылается на уже оказанную Компанией помощь кадыякам, в частности помощь сиротам, находящимся на обеспечении РАК: восемь человек в Павловской гавани и 35 человек в Трёх-Святительской гавани. В последней также собраны малолетние и престарелые, нуждающиеся в призрении (Купреянов отмечает удобство этого места «к изобильному их тут прокормлению»). Тут же Купреянов раскрывает экономический мотив этой благотворительности в отношении немощных аборигенов: «Чрез сие самое облегчается прочий народ, доставляются ему время и возможность для промысла... все они теперь имеют вернее прежняго прокормление и не отрываются на оное от промыслов». Кадыякам, по мнению Купреянова, необходимы только две вещи: «прокормление» и одежда; первое обеспечено вышеуказанными мерами, второе – теплые куклянки и олени парки (вместо прежних птичьих) – заказаны на Камчатке. Этого достаточно при исправной «плате по таксе за промыслы и работы». Повышать же плату не следует: сношения «между дикими» все более облегчаются и можно быть уверенным, что «они все очень хорошо знают, сколько где платят русские», и если прибавить одним кадыякам, прибавки попросят и прочие¹⁸.

Складывается впечатление, что Купреянов не хотел под конец своего правления вязываться в столь непростое предприятие, да и не видел причин для нововведений. И здесь возникает вопрос: что же подталкивало к ним само ГП РАК, если инициатива явно шла не из колоний? Отмеченный выше экономический мотив, связанный с депопуляцией Кадыяка, которую ускорила эпидемия, непосредственно еще не подразумевал необходимости значительных преобразований, каким было бы создание «общих селений».

Как нам представляется, ГП РАК подтолкнула на нововведения проходившая в эти годы (1837–1841) под руководством министра государственных имуществ П.Д. Киселева и с одобрения Николая I реформа управления государственными крестьянами, некоторые детали которой напоминают пожелания ГП РАК. В частности, важное место в программе Киселева занимала организация врачебного дела. Уже в самом начале своей деятельности Киселев обращал внимание местных органов «на смертность между государственными крестьянами, происходящую от свирепствующих между ними болезней, от коих народ уменьшается и люди слабеют»¹⁹. Но дело не в отдельных совпадениях, а в общей тенденции государственной политики и в том резонансе, который получила подготовка реформы Киселева. Как отмечал автор капитального исследования этой реформы академик Н.М. Дружинин, «слухи о предстоящей реформе разнеслись по разным губерниям, проникли в среду государственных крестьян, вызвали разнообразные толки в кругах правящего и хозяйствующего дворянства. В этой атмосфере сосредоточенного интереса к замыслам самодержца и влиятельного Киселева родились новые проекты, которые направлялись в V отделение...»²⁰. Авторами этих проектов были губернаторы, рядовые чиновники, местные помещики и даже сами государственные крестьяне.

У нас пока нет документальных доказательств, но представляется наиболее вероятным, что именно под влиянием этой атмосферы родилась идея реформирования быта кадыякцев. Компания явно в целях подкрепления своих позиций накануне истечения очередного двадцатилетнего срока привилегий в 1841 г. стремилась реагировать на новые веяния и следовать «генеральной линии» верховной власти на умеренные бюрократические реформы. Вероятно, учитывался весь опыт РАК, критерием оценки деятельности которой нередко выступали методы обращения с аборигенами. Перед



Адольф Карлович Этолин (Arvid Adolf Etholen, 1799–1876).
Портрет худ. Линда. Предположительно 1839 г. Частная коллекция. (Из кн.: P. Varjola. The Etholen Collection. Helsinki, 1990.)

верховой властью Компания должна была предстать как рачительный хозяин вверенной ей рабочей силы, пекущийся о благосостоянии и воспроизводстве последней. Между тем Компании могли быть предъявлены упреки в связи с людскими потерями от оспы, которые произошли, несмотря на сделанные прививки. Обратим внимание на главные идеи экономической реформы управления государственными крестьянами: двойная задача «упрочения хозяйственного быта поселян и умножения пользы казны» посредством наделения их «достаточным количеством земли», одновременно предполагалось «уравновесить подати и повинности с способами и выгодами платящих...»²¹. По своей сути они в известной мере сходны с приведенными выше предложениями ГП РАК: сбалансировать цены на товары с размерами платы «алеутам», чтобы последние могли себя «содержать», и добиваться «улучшения быта алеут» таким образом, «чтобы по возможности согласить пользы Компании с предлагаемою целью». И там, и здесь – попытка путем бюрократической реформы стабилизировать систему общественных отношений, которая в вышеупомянутой статье А.В. Гринева не без оснований названа «политаризмом» (к этому вопросу мы еще вернемся в другой публикации) и которую Н.М. Дружинин называл «государственным феодализмом», подчеркивая ее специфические интересы, отличные и от «помещичьего феодализма», и от антифеодального радикально-демократического проекта²².

Преемник Купреянова, А.К. Этолин (рис.), был более решителен и склонен к новаторству. Желал ли он отличиться с самого начала своей деятельности или может быть лучше догадывался, что от него хотят, но он энергично взялся за дело. В первом же донесении Главному правлению (от 25 мая 1840 г.) он писал, что желает начать предпринимать меры к улучшению жизни кадыкцев с «должною осмотрительностью», но «предмет сей столь важен для будущего быта алеут, что требует постоянных и положительных правил». Последние слова означали, что в отличие от Купреянова

Этолин решил на реформу. «Это относится не столько к уналашкинским и атхинским алеутам, – уточняет Этолин, – сколько к кадьякским, – в последнее время испытывавшим так много несчастий и без того уже во всем своем быту всегда далеко отставшим от своих единоземцев»²³.

С ожидавшимся прибытием в Новоархангельск (ныне г. Ситка) правителя конторы Кадьякского отдела Этолин намеревался вникнуть «в возможность соединить несколько алеутских жил для общего жития, как на острове Амля», если это возможно без «тягощения для алеут» и причинения ущерба их промыслам в пользу Компании²⁴.

В июне 1840 г. правитель Кадьякской конторы РАК Иннокентий Костромитинов (его брат Петр известен как правитель аналогичной конторы в Россе, Калифорния) прибыл в Новоархангельск, «столицу» Русской Америки, где имел консультации с Этолиным. Результатом этих консультаций стало твердое решение Этолина относительно «общих селений»: он приказал создать первое такое селение в Трёх-Святительской гавани и искать на острове другие места, подходящие для подобных целей. В сентябре 1840 г. он сообщал Главному правлению, что «...для предполагаемого соединения кадьякских алеутов из рассеянных, одиноких жил в несколько общих мест того отдела сообразно удобности заготовления в оных кормов и для производства клепечного и стрелебного промыслов – ныне для опыта уже приступлено к постройке общего алеутского кажима или бараборы, соответствующей их быту и образу жизни, на первый раз в Трёх-Святительской артели, как самое удобное во всех отношениях место для помещения в оной до 100 душ алеут обоего пола». После этого опыта «...можно будет видеть удобство подобного соединения и в других местах Кадьякского отдела... каждое таковое место, по примеру уналашкинских и атхинских алеут... будет находиться под присмотром старшины или тоёна, избранного из числа людей надежнейших и известных конторе доброй своей нравственностью и усердием к пользам Компании». Этолин также снизил цены на товары, необходимые аборигенам, и послал на Кадьяк привезенную для них с Камчатки одежду – оленьи парки и кухлянки, «без начисления на них процентов, что будет постоянно соблюдено и на будущее время»²⁵.

В ответе от 15 июня 1840 г. на представление И.С. Костромитинова «о соединении в Трёх-Святительской гавани алеут из разных мест» Этолин приказал для «соединения» кадьякцев искать новые места: «Мнение же мое есть соединить их не в одной Трёх-Святительской гавани (что на первой случай может показаться им стеснением и по многолюдству в одном месте могут произойти разные неудобства), но приискать по острову Кадьяку кроме Трёх-Святительской гавани еще два или три места удобныя во всех отношениях для соединения там алеут, рассеянных ныне по всему Кадьяку»²⁶.

Акции по селению туземцев должна была предшествовать пропагандистско-разъяснительная работа среди местного актива (эти выражения, несмотря на анахронизм, приходится употреблять ввиду явной аналогии). Костромитинову Этолин предписывал: «Надлежит вам пригласить для содействия опытнейших тоёнов и партовщиков (участников промысловых партий. – А.И.), известных вам с хорошей стороны по усердию их к Компании и пользующихся общим уважением алеут. Таковым то надлежит ясно изложить все выгоды, ожидающие кадьякских алеут от соединения их ныне для жительства в нескольких местах, после претерпеваемых ими бедствий и уменьшения народа от оспы. Поставить им на вид благотворное следствие для атхинских алеут от такового соединения их на острове Амле, под надзором тоёна Дедюхина и подобное существующему и в Уналашкинском отделе»²⁷. Ссылка на положительный пример должна была сопровождаться аргументацией относительно улучшения бытовых условий после концентрации.

Самый важный критерий, подчеркивал Этолин, – это обеспечение заготовки продовольствия и промыслового цикла: «Имея главнейше в предмете... удобство запасения достаточных кормов и безостановочным производством клепешного и стрелебного промысла»²⁸. Иными словами, чтобы алеуты не голодали и были в состоянии исправно работать на Компанию.

Стоявшая перед русской администрацией задача была новой, и Этолин, во избежание риска, советовал действовать не спеша, постепенно и в начале в качестве эксперимента соединить в Трех-Святительской гавани «...алеут из нескольких только жил, а не вдруг в большом множестве. Это нужно для первого опыта и uznания не произойдут ли от того какие-либо неудобства. Впоследствии же, по усмотрению можно постепенно приступать и к общему их соединению»²⁹.

Важнейшим же условием успеха Этолин (как и до него Купреянов) считал правильный подбор подходящих кадров низшего административного яруса – они были призваны стать передаточным звеном от русской администрации к туземцам в предстоящей трансформации, которая должна была иметь ненасилованный вид. «Главнейший успех сего дела, – писал Главный правитель, – я полагаю зависит от выбора тоёнов, попечению коих поручатся таковыя общие жила и доброе с их стороны внушение алеутам, посему и прошу быть крайне осмотрительным в выборе таковых доверенных людей. Для поощрения, разрешаю вам по примеру атхинских и уналашкинских тоёнов, имеющих под своим надзором общия жительства алеут, назначить избранным вами надежным тоёнам на первый случай до пятисот рублей в год содержания, впредь до усмотрения их усердия к приведению в исполнение желаемого устройства»³⁰. Речь, по-видимому, шла о плате товарами по ценам РАК, как это всегда практиковалось в ее взаимоотношениях с алеутами, однако сумма была довольно внушительной, во всяком случае несколько превышавшей средний заработок русских рабочих («промышленных»). Позднее это решение Этолин подтвердил в специальных «Правилах для тоёнов». Впрочем, в дальнейшем, с увеличением числа «общих селений» плата тоёнам была сокращена вдвое: до 250 руб.³¹

В феврале 1841 г. Этолин издал серию распоряжений Кадыякской конторе с указанием различных надбавок и льгот кадыякам³². В марте того же года он направил в Кадыякскую контору «Правила для тоёнов, избираемых в старшины над общими селениями алеут в Кадыякском отделе», подписанных и, вероятно, составленных самим Главным правителем³³. До утверждения «Правил» ГП РАК Этолин предписал Кадыякской конторе с ними «предварительно сообразоваться... и приводить оные в действие, по мере устройства заводимых в Кадыякском отделе общих алеутских селений».

Согласно «Правилам», старшины должны были избираться Кадыякской конторой и утверждаться Главным правителем из алеутских тоёнов, известных «конторе и местному начальству хорошим поведением, хозяйственностью и усердием в промысловой деятельности на пользу Компании». Зная «быт, нужды и слабости» кадыякцев, старшины обязаны «...всеми силами направлять алеут к лучшему образу жизни». Кроме надзора за алеутами и отеческой заботы обо всех их нуждах, старшина обязан «подавать им собою пример во всех родах промышленности, производимых в Кадыякском отделе».

Конкретные обязанности алеутских старшин, глав «общих селений», были многообразны. Старшины должны были следить за выполнением «алеутами» христианских норм, заботиться о заготовке на зиму продовольствия и одежды, а также о здоровье своих подопечных, своевременно информируя контору «о каких-либо болезненных признаках, замечаемых между алеутами», и отправляя заболевших в Павловскую Гавань – административный центр Кадыяка, следить за выполнением «алеутами» наставлений врача, время от времени посещающего селение. Кроме того, старшина должен был заботиться о соблюдении санитарно-гигиенических норм: чтобы жители «мылись чаще в бане (наблюдая, чтобы здоровье не мылись вместе с больными), а в бараборах, и в селении была наблюдаема всегдашняя чистота и все предметы, могущие зловонием своим заражать воздух, были тотчас бросаемы в море. Хоронить умерших не должно где попало, а местное начальство обязано отвести на это особенное место для кладбища в отдалении от селения; тела закапывать должно как можно глубже и на каждой могиле непременно ставить крест. Старшина обязан также внушать алеутам, чтобы они остерегались употреблять в пищу выкинутых злокачественных китов и вообще всякого рода вредную лайденную пищу [т.е. найденную на

лайде – полосе отлогого морского берега, обнажающейся во время отлива. – А.И.]... равно предостерегать их и от губельных переездов на байдарках и байдарках во время бурных, опасных погод».

Старшина выполнял важные хозяйственные функции: организовывал группы охотников-зверобоев, надзирал за работой и трудолюбием «алеутов». По приказу Кадыкской конторы он должен был формировать промысловые отряды: летом на промысел морских бобров, а зимою на клепешный, стрелебный, китовый и птичий промыслы, а также на охоту на ластоногих. В его обязанность входила раздача «нужных для промысла снарядов... по своему усмотрению на руки и ответственность промышленников», по окончании промысла он должен был отобрать их и вернуть байдарщику. Во время промысла он должен был «нести неослабный надзор, чтобы промышленники радели о промысле... а не теряли времени в бездействии по праздности», доносить о нерадивых правителю конторы. Для клепешного промысла старшина назначал каждому промышленнику «свое место, на котором другие уже не имеют права промышлять». При снаряжении партий он должен был распределять алеутов таким образом, чтобы каждый был назначен на тот промысел, к которому он более способен и привычен, и чтобы на это время в селении оставалось необходимое число людей для заготовки припасов на зиму. Для этих работ могут употребляться старики, женщины и подростки, «кои без отговорок должны исполнять приказания старшины для общей пользы селения» (освобождение от работ получали только лица преклонных лет, большие и женщины к концу беременности). По окончании клепешного промысла старшина должен все снаряды сдать местному байдарщику и, получив от него принадлежащие РАК ружья, раздавать их «надежнейшим из промышленников», а по окончании стрелебного промысла – сдать все ружья обратно байдарщику. Вносил свой вклад старшина и в охрану природных ресурсов, которой начала заниматься РАК: он был обязан «строго наблюдать, чтобы никто из алеут (буде имеют собственные ружья), не занимался стрелянием зверей в непоказанное для промысла время, – особенно, чтобы не пугал чрез то морских бобров».

Старшина должен был заботиться о стариках, больных и сиротах, а для сохранения нравственности «...своевременно заботиться о законном бракосочетании молодых людей обоего пола».

Старшина должен был всегда иметь список жителей вверенного ему селения, а также отдельный список лиц, способных к работам на РАК, дабы по приезде в Павловскую Гавань (обычно в марте месяце) он мог представить эти списки правителю конторы для распределения людей по промысловым партиям и другим работам в пользу компании. Если старшина был неграмотен, ему давался в помощь «креол», умевший писать.

Важную роль играл старшина и в поддержании крепостного режима, который существовал на Кадыке. По завершении «бобрового промысла» и возвращения партии в Павловскую Гавань ее участники-кадыкцы должны «отправляться прямо на место своего жительства и явиться к старшине, а отнюдь самовольно никуда не разезжаться». Если старшина заметит, что у него проживает «алеут» другого селения, он должен «при первой возможности препроводить его в свое место или известить о том старшину того селения». «Вообще каждый старшина должен строго надзирать, чтобы никто из вверенных ему алеут нигде праздню не шатался и не смел бы отлучаться из селения без дозволения старшины».

Старшина оказывался под двойным административным контролем. Полностью подчиняясь Кадыкской конторе и ее правителю, он вместе с тем «должен во всех случаях относиться и к местному байдарщику³⁴, как к лицу, поставленному над ним Высшим колониальным начальством». Старшина оказывался при байдарщике в роли полуавтономного помощника по связям с туземцами, причем байдарщики не должны были вмешиваться в хозяйственные решения старшин. Старшина нес строгую ответственность за выполнение своих обязанностей и мог быть отстранен от должности за несоблюдение «Правил», за допущенные в его селении беспорядок или неспра-

ведливость в отношении подопечных. Вместе с ним за это нес ответственность и байдарщик – ему должны были быть известны обязанности старшин, о случаях несоблюдения которых он немедленно доносил в Кадьякскую контору, а ее правитель «обязан непременно сам на месте разобрать доносы, отнюдь не веряясь в слова байдарщика».

«Правила» включали ряд мер по экономическому развитию селений: Этолин предписал «разводить картофельные огороды... на случай нужды в продовольствии» и в зависимости от местных обстоятельств заводить скот (только для получения молока, предназначенного для больных и детей). Для этой цели выделялось несколько голов скота от Кадьякской конторы, которые следовало возвратить РАК по получении от них достаточного приплода. Этолин также выражал пожелание, чтобы жители новых селений сообща и добровольно ежегодно жертвовали несколько «процентов с добываемых ими промыслов (пушных зверей)» для формирования своего рода общего фонда при Кадьякской конторе («собственный свой маленький капиталец») для непредвиденных нужд и лучшего обустройства селений.

«Правила» красноречиво демонстрируют особенности общественного строя Русской Америки. Это исключительно интересный источник по социологии и идеологии Русской Америки: в сжатом виде в нем излагаются внедрявшиеся РАК нормы организации жизни подвластного населения, выражавшие бюрократическо-патерналистские социальные идеалы администрации колоний. Характерно, что в «Правилах» описание функций старшин порой переходит в изложение самого распорядка промысла (конкретно – порядка его завершения).

Тем временем началась реализация замыслов Этолина. В том же марте 1841 г. ему донесли, что в Трех-Святительской Гавани «соединено» 25 семейств (170 чел.) для которых «выстроено 8 общих барабор с возможнейшими удобствами по желанию алеут». В Игакской артели было «соединено» 18 семейств (125 чел.), для которых также было построено 8 удобных барабор. На севере Кадьяка, в Карлуке, и на о-ве Афогнак бараборы готовились «сколько успеть можно в работах до отправления алеут в летние промысловые отряды...», а по их возвращении и после «летних занятий» (заготовки продовольствия) Кадьякская контора намеревалась «употребить все старания к окончанию соединения «алеут» в течение 1841 г.³⁵ Донося об этом в ГП РАК, Этолин патетически резюмирует: «И так первый и самотруднейший шаг к соединению Кадьякских алеут уже сделан и, по отзыву ко мне Кадьякской конторы, алеуты, мало понимающие сначала цель сего нововведения, теперь, когда переехали в новые свои жилища, постигли наконец всю пользу онаго и отеческое о них попечение и заботливость начальства»³⁶.

ГП РАК в Петербурге заинтересованно следило за действиями Этолина. В марте 1841 г. оно вновь продемонстрировало внимание к предмету, ответив, хотя и чисто формально, на делеши Этолина³⁷. Следующее послание на Аляску (апрель 1842 г.) было уже реакцией на первые мероприятия по организации «общих селений». Руководство РАК было удовлетворено мерами Этолина и одобрило его деятельность. Сообщая Этолину, что рассматривало его делеши о нововведениях («заводимом благоустройстве») в Кадьякском отделе «с особенным удовольствием», ГП находило, что «предначертанные» Главным правителем меры «вполне соответствуют видам и ожиданиям» ГП РАК. Такая реакция означала, что Этолин достаточно точно понял и реализовал определенный социальный заказ. Для ГП сделанное Этолиным было лишь началом: «... Остается надеяться, что наконец и все заселение Кадьяка и подведомственных сему отделу мест, распределится в общих постоянных селениях, и таким образом положится твердое основание к введению в сих странах благоустройства в духе христиан»³⁸. Напомним, что в Кадьякский отдел, кроме собственно о-ва Кадьяк, входили и достаточно обширные материковые территории Аляски, и речь, таким образом, шла о распространении системы «общих селений» на значительную часть Русской Америки.

Присланные Этолиным «Правила для тоёнов...» ГП РАК одобрило, найдя «не

противоречащими проекту положения об оседлых инородцах», и утвердило их, предложив небольшие добавления. Таких добавлений или замечаний было пять, из них существенными представляются четыре. Во-первых, ГП считало, что по утверждении устава РАК (был принят в 1844 г.) «нужно присовокупить к правилам [«о тоенах»] все те статьи [устава], относящиеся до тоёнов и подчиненных им алеут, в которых в особенности говорится о неприкосновенности имущества каждого. Это необходимо для того, чтобы по возможности удержать тоёнов от употребления во зло власти, им предоставляемой». Данное пожелание можно интерпретировать как стремление подкрепить исключительную монополию РАК на эксплуатацию «алеутов» и не дать развиваться индивидуально-хищническим тенденциям в поведении новой местной элиты.

Второе замечание имело природоохранную направленность и было связано с попытками РАК в этот период восстановить подорванные ресурсы морского зверя. ГП предлагало в связи с промыслом «морского бобра» (калана) «вменить тоенам в обязанность, чтобы они внушали алеутам отнюдь не убивать щенков, ни маток в такую пору, когда еще не родились молодые бобры». ГП РАК также смутило предоставление неграмотным тоёнам для составления списков помощников-креолов – оно явно почувствовало в этом угрозу алеутской общине. «Не должно ли тут опасаться, – говорится в документе, – введения в состав селения без необходимости праздношатающегося человека, который будет требовать прислуги и т.п.?» Предлагалось составлять списки в конторе и исправлять время от времени по показаниям тоёнов.

Вызвало у ГП РАК настороженность и положение «Правил» о запрете «алеутам» покидать селение без разрешения старшины. Вероятно, в этом виделась излишняя степень крепостного ограничения мобильности аборигенов-островитян – предосудительная с точки зрения тенденций государственной политики. «Здесь можно опасаться, – писало ГП, – что эта мера обратится в излишнее стеснение алеут, и потому не признается ли за нужное ограничить этот запрет единственно отлучками на несколько дней, дозволяя алеутам выезжать напр[имер] на промысел по близости жила и т.д.»

Против большинства этих дополнений стоят пометы Этолина «Исполнено», только природоохранный пункт сопровождается трудночитаемой пометой, да против пункта об ограниченной свободе передвижения аборигенов стоит еще одна помета: «Сие правило нужно не изменять, а только растолковать»³⁹. (Это правило так и осталось в первоначальной редакции, но в изданной к концу правления Этолина инструкции кадыякскому правителю присутствует пункт о возможности по завершении «бобрового промысла» отъезда алеутов с промысловыми целями на соседние острова⁴⁰.)

«Правила» свидетельствуют, что на Аляске, как и в испанских редукциях, по сути возникали новые, искусственно созданные (как справедливо отмечает А.В. Гринев) общины. Характерной их чертой – и на Амле, и на Уналашке, и, судя по предложению Этолина об «общем капиталце», на Кадыяке – было типичное для многих основанных на общинных структурах социумов наличие общественных фондов, создаваемых прежде всего на случай бедствий. Аналог этого известен и в европейской части Российской империи – вводимые в удельных имениях с 1828 г. общественные запашки, доходы с которых шли на обеспечение крестьян продовольствием в неурожайные годы, создание больниц, школ и т.п. На этих общественных запашках принудительно насаждались посевы картофеля (ср. выше предписание Этолина о разведении картофеля на Кадыяке; внедрение сверху культуры картофеля также имело место и во время реформы Киселева). Эти совпадения, на этот раз – с нововведениями среди удельных крестьян, создают почву для предположений о влиянии их примера на Русскую Америку, предложений, аналогичных высказанным выше в связи с реформой Киселева. В целом же в Русской Америке создание общественных (общинных) фондов было направлено на поддержание системы жизнеобеспечения эксплуатируемых туземцев при наименьших издержках со стороны РАК.

Возможны также и аналогии с «запасными» магазинами, создававшимися царской администрацией в ряде районов Сибири для снабжения коренного населения хлебом⁴¹.

Однако следует иметь в виду, что это были казенные и в принципе коммерческие заведения, а не общинные коллективные фонды. Именно для компенсации последних и создавались «запасные казенные магазины», выступая «заменой или подкреплением» там, где «...не могут быть достаточно усилены и... устроены запасы общественные»⁴².

Исследование завершающего этапа создания, как и последующего развития «общих селений» на Кадьяке и в целом на Аляске не входит в задачи данной статьи. П.А. Тихменев сообщает, что предпринятое Этолиным «соединение» кадьякцев было завершено к середине 1844 г. Вместо четырех поселений, первоначально планировавшихся Этолиным, было образовано семь, объединивших 1375 алеутов⁴³. На 1 января 1860 г. в шести из них жили 1900 чел., на одно селение приходилось от 163 до 515 жителей⁴⁴.

По сообщению П.А. Тихменева, в этих селениях на средства РАК были построены на сухих возвышенных местах большие деревянные избы, «устройство которых, по возможности, учитывало привычки и обычаи аборигенов». Кроме того, в селениях были построены различные хозяйственные постройки (склады, сараи, скотные дворы) и для надобностей селения выделены одна или две большие байдары. По селениям был роздан принадлежащий РАК скот и высланы из Новоархангельска семена овощей⁴⁵.

Медико-санитарный эффект создания «общих селений» можно оценить по материалам колониального врача З. Говорливого (1850-е годы). На Уналашке он высоко оценил санитарное состояние туземных жилищ: «Чистота, какую я нашел во всех уналашкинских юртах, странно противоречила тому понятию, какое составлено мною из рассказов о грязных, неопрятных алеутах. Со времени оспы эпидемий на этом острове вовсе не было...». Несколько более сдержанную оценку он дал кадьякским односельным «бараборам», которые «можно назвать усовершенствованными, потому что, кроме жупанов (отделение для сна в традиционных жилищах. — А.И.), куда на зиму удаляется все население бараборы, есть в них особые комнаты из толстых брусьев с деревянным полом, довольно чистые и для лета теплые. Большая часть жупанов имеет также деревянные полы». В то же время З. Говорливый отметил тесноту в жупанах зимою и трудности соблюдения в этом случае чистоты и опрятности, что в сочетании с традиционным смазыванием кожи жиром способствовало развитию у кадьякцев нарывов и сыпей⁴⁶.

Подведем некоторые итоги. Как мы увидели, создание «общих селений» не ограничивалось Кадьяком. Еще до Кадьяка такие «редукции» существовали на нескольких островах Алеутского архипелага — история их возникновения осталась вне нашего поля зрения и ждет специального исследования. Также остается неясным, вышла ли система «общих селений» за пределы Амли, Уналашки и Кадьяка, на что надеялось ГП РАК, судя по цитированным выше его пожеланиям относительно всего Кадьякского отдела. В связи с этим достойно внимания замечание авторов «Приложений к докладу Комитета об устройстве Русских Американских Колоний», утверждавших, что публикуемые в книге правила для кадьякских тоёнов служат «руководством и в прочих отделах» Русской Америки. Однако указанное там же сравнительно небольшое число тоёнов в колониях: 12 на Алеутских о-вах (включая Кадьяк?), один «креольский» на о-ве Афогнак и один «курильский» на о-ве Уруп⁴⁷, возможно, свидетельствует об ограниченных масштабах применения этого института в той его интерпретации, которая определялась известными нам «Правилами». Дальнейшее изучение колониальной переписки, несомненно, даст ответ и на этот вопрос.

Создание «общих селений» было попыткой рационализировать колониальную эксплуатацию и сохранить людские ресурсы, создав систему эффективного медицинского, религиозного и экономического контроля. Это событие не было изолированным. Во-первых, обращает на себя внимание связь нашего сюжета с общими тенденциями развития николаевской России, одним из выражений которых стала реформа Киселева, оказавшая, по-видимому, влияние на замысел преобразований на Кадьяке. Был этот замысел, как представляется, связан и с истечением 20-летнего срока привилегий РАК в 1841 г., побуждавших ее руководство к укреплению репу-

тации Компании. Следует учитывать и вероятное влияние колониальной политики царской администрации в Сибири, которую – в самом широком плане – с русской колониальной политикой в Америке объединяла, на наш взгляд, все та же бюрократическо-реформаторская тенденция к регламентации и рационализации отношений с аборигенами, характерная для первой половины XIX в. (примерно с 1818–1819 гг.).

Во-вторых, создание «общих селений» следует рассматривать в контексте общей политики РАК в отношении Кадьяка и других островов, включая как снижение цен и другие экономические льготы аборигенам, так и меры для сохранения ресурсов животного мира. Это была реакция на ясно обозначившееся к 1830–1840-м годам истощение природных и демографических ресурсов островных территорий Русской Аляски. При этом «общие селения» выступили главной составной частью всего комплекса реформ на Кадьяке. Основной объективной целью их создания было укрепление социального контроля РАК над аборигенами, который теперь приобретал более полный и целостный характер (не ограничиваясь административным влиянием, но распространяясь на сферу жизнеобеспечения, здравоохранения и культа), а также более четко структурировался (система «общих селений» и институт их старшин). Все это делало «общие селения» также одним из важных инструментов аккультурации.

Характеризуя значение произведенной концентрации кадьякцев, Тихменев помимо административных преимуществ отмечает удобство «для более частого посещения туземных селений священнослужителями, как для свершения необходимых треб, так и для назидания в законе Божиим, которое особенно было нужно для Кадьякского отдела, по свойствам и характеру его обитателей»⁴⁸. Последняя оговорка неслучайна: кадьякцев отличала меньшая по сравнению с другими подвластными РАК «островитянами» степень аккультурации, что отражало как более позднее, чем на Алеутских о-вах, время колонизации, так и наличие более крупного (по численности и занимаемой территории) массива населения. Создание «общих селений» позволяло решить эту проблему: как и большинство колонизаторов, деятели РАК априорно видели в аккультурации (включая христианизацию) и средство укрепления своего контроля, и мотив, придающий колонизации общественную и цивилизационную значимость.

Однако отношение к аккультурации здесь было сложным. РАК стремилась, по замечанию Л.А. Файнберга, «не подвергать слишком резкой ломке традиционное хозяйство и культуру алеутов и кадьякцев, так как именно они делали алеутов в высокой степени приспособленными к промыслу морского зверя»⁴⁹. Эта тенденция в политике РАК отмечается многими авторами⁵⁰. В замысле «общих селений» аккультурационная функция, ограниченная сферами религии и быта, сочеталась с консервативной тенденцией, направленной на сохранение основ традиционного хозяйства кадьякцев – одного из главных условий обеспечения РАК пушниной.

Одним из средств этого было раздельное существование пришельцев и туземцев, необходимость которого неоднократно оговаривается в приведенных выше документах. Характерно уже замечание Купреянова о Трех-Святительской гавани – удобном месте, «избранном для житья алеут на попечении Компании, они не будут смешаны с русскими и вообще ничем не нарушатся для них природные занятия»⁵¹.

Среди распоряжений, отданных в феврале 1841 г. Этолиным Кадьякской конторе, обращает на себя внимание запрет отдавать алеутских детей на воспитание русским или креолам, «чтоб таковые, если оне остаются сиротами, были непременно отдаваемы на житье в учреждаемые общие алеутские заселения...»⁵². Этот запрет связан с упомянутой выше политикой сохранения традиционной культуры зависимых от РАК народов как предпосылки выполнения ими их хозяйственных функций в рамках колониальной экономики. Однако, вне зависимости от экономических мотивов эта политика объективно препятствовала ассимиляции алеутов и кадьякских эскимосов. Причем в данном распоряжении она увязана с новым социальным явлением на Кадьяке – «общими селениями», которые, выполняя определенные аккультурационные функции, становились средством против полной популяционной и этнической деградации островитян, невыгодной для РАК. Эта линия находит свое продолжение в

«Правилах для тоёнов», где особо оговаривалось: «О малолетних сиротах иметь особенную заботу дабы таковые были даваемы на воспитание не иначе как на руки надежнейших алеут, – к приучению их настоящему алеутскому быту»⁵³.

Политика обособленного обитания основной массы алеутов и кадьякцев была, по-видимому, основной причиной того, что в середине XIX в., по свидетельству З. Говорливого, «на островах» сифилис отсутствовал, в то время как среди тлинкитов эта болезнь была весьма распространена⁵⁴.

Идея создания «общих селений» на Кадьяке пришла из Петербурга. Первая реакция колониальных властей (упомянутого Купреянова) на этот замысел была негативной и отражала боязнь нарушить сложившуюся хозяйственную систему, а также сомнение в ее успехе без надежных кадров из туземной элиты, способных своим авторитетом обеспечить успех реформы. Именно к проблеме подконтрольных туземных лидеров проявил особое внимание Этолин, что нашло отражение в «Правилах для тоёнов».

Это внимание выявляет важную особенность проводимой реформы: «соединение» кадьякцев в «общие селения» (с учетом некоторых пожеланий туземцев) было добровольным или по крайней мере формально должно было выглядеть таким (в реальной жизни, вероятно, это был скорее «добровольно-принудительный» вариант) – любое проявление протеста аборигенов в канун пожалования РАК новых привилегий было крайне нежелательно для Компании. Условием этой добровольности – во время создания и последующего функционирования кадьякских «редукций» было влияние местной элиты – тоёнов. Они уже давно были более или менее интегрированы в структуру власти РАК, выступая посредниками между администрацией и основной массой аборигенного населения, став, по выражению Г.И. Давыдова в начале XIX в., «пружиною угнетения других островитян»⁵⁵.

Необходимо заметить, что для русского колониализма в Америке в его «зрелый» период (с начала XIX в.), – после того как сопротивление аборигенов на островах было полностью подавлено, – было вообще характерно стремление избегать конфликтов с «алеутами» и, не меняя характера эксплуатации, всячески смягчать отношения русских с аборигенами на микросоциальном уровне, придавая им вид партнерства, товарищества. Распоряжения и инструкции, где оговаривались недопущение произвола в отношении подчиненных «алеутов» и забота о них, известны по крайней мере с конца XVIII в. (правда, сам факт этих запретов свидетельствовал, что в повседневной жизни преобладали иные стереотипы поведения). Но это отдельная тема, которая выходит за рамки данной статьи.

«Общие селения» были формой бюрократического патернализма, обычно соединяющего интересы более эффективной эксплуатации, социальную демагогию и порой искренние филантропические намерения отдельных администраторов. Кроме испано-американских аналогий, о которых было сказано вначале, запрашиваются и отечественные, позволяющие утверждать, что «общие селения» вполне «вписываются» в российские социальные традиции. Так, крепостная Россия знала и перемещение различных групп населения по воле верховной власти, и переселения крестьянских семей по воле помещика, порой с созданием новых деревень (причерноморские степи). Еще более четкие аналогии известны в истории Советского Союза, где концентрация сельского населения (так называемое «укрупнение» и т.п.) была весьма типична в послевоенный период, в том числе как для самих русских, так и для северных народов, по своему хозяйственно-культурному типу близких аборигенам Аляски.

Однако концентрацию населения нельзя рассматривать как национальную традицию, – скорее следует говорить об общности социальных тенденций, связанных со взаимоотношениями государства и общества. Сходство с Испанской Америкой это подтверждает. Можно сказать, что концентрация населения (для постоянного проживания в отличие от концлагеря) является нередкой или типичной для бюрократических (включая церковные и военные) систем. Примером тому, кроме испаноамериканских редукций, могут служить «стратегические деревни» во Вьетнаме (1960-е – начало

1970-х годов) и в Гватемале (1980-е годы), опыт с переселением приграничных индейцев в специально созданные деревни во внутренних районах Никарагуа во время гражданской войны 1980-х годов и многие другие эпизоды, которыми богата всемирная история. К ним отчасти относится и сселение разрозненных уцелевших групп индейцев в резервации в США. Концентрация населения сама по себе – чрезвычайно удобный инструмент социального контроля, и неудивительно, что к нему прибегают самые различные (в том числе по социальной природе) политические режимы в ситуации более или менее систематического государственного насилия. Это не снимает, однако, вопрос о типологической близости тех или иных социальных моделей, одним из признаков которой может выступать такая концентрация.

Примечания

¹ См.: *Гринева А.В.* «Колониальный политаризм» в Новом Свете // *Этнографич. обозрение.* 1996. № 4. С. 52–64.

² См.: *Истомин А.А.* Америка Испанская и Русская // *Латинская Америка.* 1987. № 6. С. 59–60.

³ *Istomin A.* Paralelas entre las políticas coloniales rusa y española en América: el caso de las reducciones (el comienzo de creación de «poblados comunes» en la isla de Kodiak, Alaska, 1839–1842) // Ponencia presentada al 48º Congreso Internacional de Americanistas. Stockholm; Uppsala, julio 1994.

⁴ *Гринева А.В.* Указ. раб. С. 61.

⁵ Три века колониальной Америки. СПб., 1992. С. 76–77, 99–100.

⁶ Records of the Russian-American Company (Далее – RRAC). Correspondence of Governors General, National Archives, Washington (microfilm). R. 45. Fo. 81.

⁷ *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. Ч. I. СПб., 1861. С. 314.

⁸ См.: *Crowell A.* Prehistory of Alaska's Pacific Coast // *Crossroads of the Continents. Cultures of Siberia and Alaska.* Washington, 1988. P. 134, 135.

⁹ *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. I. С. 314–318. Ч. II. СПб., 1863. С. 195–196.

¹⁰ Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских Колоний. СПб., 1863. С. 78–79.

¹¹ Главное правление Российско-Американской компании (далее – ГП РАК) – И.А. Купреянову. «В ответ на депешу за № 180, о эпидемии свирепствовавшей в Кадьяке». 31 марта 1839 г. // RRAC. R. 12. Fo. 55.

¹² Ibid., Ro. 54v–55v.

¹³ ГП РАК – А.К. Этолину. 18 августа 1839 г. // Ibid. Fo. 404–410.

¹⁴ *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. I. С. 315.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 316–317.

¹⁷ И.А. Купреянов – ГП РАК. 2 мая 1840 г. // RRAC. R. 43. Fo. 197–198.

¹⁸ Ibid. Fo. 199v–201v.

¹⁹ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 263.

²⁰ Там же. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 486–487.

²¹ Там же. С. 486–487.

²² См.: Там же. С. 519.

²³ А.К. Этолин – ГП РАК. 25 мая 1840 г. // RRAC. R. 44. Fo. 4v–5.

²⁴ Ibid. Fo. 5–5v.

²⁵ А.К. Этолин – ГП РАК. 27 сентября 1840 г. // Ibid. Fo. 217–218v.

²⁶ А.К. Этолин – И.С. Костромитинову. 15 июня 1840 г. // Ibid. Fo. 51.

²⁷ Ibid. Fo. 51–51v.

²⁸ Ibid. Fo. 52.

²⁹ Ibid. Fo. 52v.

³⁰ Ibid. Fo. 52v–53.

³¹ Приложения к отчетам действительного статского советника Костливецова и капитана 2-го ранга Головина № XIII (в тексте опечатка: VIII), примечание к преамбуле // Приложения к докладу Комитета... См. также: *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. II. Приложения. С. 75.

³² См.: RRAC. R. 45. Fo. 32–45.

³³ См.: А.К. Этолин – Кадьякской конторе. 22 марта 1841 г. № 60 // Ibid. R. 45. Fo. 73–81 Публикации см.: *Тихменев П.А.* Указ. раб. Ч. II. Приложения, № 4. С. 74–79; Приложения к отчетам... Костливецова... № XIII (VIII) // Приложения к докладу Комитета.

³⁴ Байдарщик – представитель низшего звена в административной системе русских колоний: назначаемый из русских конторой или Главным правителем, местный начальник, организатор и контролер промысла, распоряжающийся орудиями последнего. См.: Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост. Р.Г. Ляпунова и С.Г. Федорова. М., 1979. С. 60.

³⁵ А.К. Этолин – ГП РАК. 1 мая 1841 г. // RRAC. R. 45. Fo. 170v–172.

³⁶ Ibid. Fo. 171v.

³⁷ ГП РАК– Этолину. «В ответ на депеши за № 193, 195 и 208 об улучшении быта алеут и платы им за промыслы». 28 марта 1841 г. // RRAC. R. 13. Fo. 281–282.

³⁸ ГП РАК – А.К. Этолину. «Ответ на депеши 27 сентября 1840 года № 160, 1 мая 1841 года № 164 о заводимом в Кадьякском отделе благоустройстве». 3 апреля 1842 г. // RRAC. R. 14. Fo. 2–2v.

³⁹ Ibid. Fo. 2v–4v.

⁴⁰ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. II. Приложения № 3. (Инструкция правителю Кадьякской конторы от 9 марта 1845 г.); Приложения к отчетам ...Костливецова... № XIII (VIII), пункт 7 // Приложения к докладу комитета... С. 69–70.

⁴¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 126–127; Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. С. 229–236; Степанов А.П. Енисейская губерния. Ч. II. СПб., 1835. С. 20–21.

⁴² Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 127.

⁴³ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. I. С. 314–316. В другом месте упоминаются девять селений. См.: Там же. Ч. II. С. 75.

⁴⁴ Приложения к докладу Комитета... Приложения... № XV.

⁴⁵ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. I. С. 317.

⁴⁶ Говорливый З. Краткий обзор болезней во владениях Российско-Американской компании с 1851 по 1859 год // Журнал Министерства внутренних дел. 1861. Ч. 48. Кн. 5 (май). Отд. II. С. 5–7.

⁴⁷ Приложения к докладу Комитета... С. 78–79.

⁴⁸ Тихменев П.А. Указ. раб. Ч. I. С. 318.

⁴⁹ Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов: от материнского рода к соседской общине. М., 1964. С. 77.

⁵⁰ Там же. С. 77–78; Федорова С.Г. Этнические процессы в Русской Америке // Национальные процессы в США. М., 1973. С. 160; Birket-Smith K. Eskimos. N.Y., 1972. P. 225.

⁵¹ И.А. Купреянов – ГК РАК. 2 мая 1840 г. // RRAC. R. 43. Fo. 201.

⁵² RRAC. R. 45. Fo. 49v.

⁵³ Ibid. Fo. 76v–77.

⁵⁴ Говорливый З. Указ. раб. С. 20, 21.

⁵⁵ Давыдов Г.И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. II. СПб., 1811. С. 116.

A.A. I s t o m i n. Beginning Establishing of «Joint Settlements» on Kodiak Island in Russian America (1839–1842)

Using unpublished colonial correspondence of Russian America, the author describes the initial stage of the Kodiak aborigines' concentration in so called «joint settlements», studies precedents and factors which could have influenced the idea of this reform (in particular, Kiselev's state peasant reform in Russia) as well as the social functions and historical significance of these settlements, analogous to the «reductions» in Spanish America.